

“Из воспоминаний Адама и Евы” и другие тексты

Составление, перевод с немецкого и вступление
НАТАЛИИ ВАСИЛЬЕВОЙ

В наше сверхрационалистическое время, стремительно шагающее вперед по пути очередной “промышленной революции”, история Адама и Евы удивительным образом не перестает оставаться в поле внимания писателей. Предлагаем подборку произведений известных немецкоязычных авторов, которые в последние годы или непосредственно обращались к этому мифу — как швейцарский прозаик Петер Биксель, классик современной немецкой литературы Ханс Магнус Энценбергер, австрийский традиционалист-экспериментатор Бодо Хелль, — или же, размышляя в своих текстах о сегодняшнем положении дел на планете Земля — как австрийцы писатель Райнхард П. Грубер и рэпер Килез Мор, — задавались, по сути, ключевым вопросом этого библейского предания: “Для чего Создатель выбрал нас?”.

Главная сюжетная коллизия мифа о прародителях человечества — их непростительный проступок: “поедание” запретного плода с Древа познания добра и зла и последовавшее за этим изгнание из рая. А в результате — неизбывная маета земной жизни и извечная тоска человека по утраченному счастливому миропорядку, что неизменно находило отражение в общественных, религиозных, художественных исканиях как европейской, так и русской мысли и в утопических теориях идеального мироустройства. “Я спрашиваю: о чем люди — с самых пеленок — молились, мечтали, мучились? О том, чтобы кто-нибудь раз и навсегда сказал им, что такое счастье, — и потом приковал их к этому счастью на цепь. Что же другое мы теперь делаем, как не это? Древняя мечта о рае...” — таким виделся “величественный” замысел “Единого Государства”, прообраза такого воплощенного человеком рая, в знаменитой антиутопии Евгения Замятина “Мы”, созданной в 1920 году, на фоне происходящих в России революционных преобразований.

Раз уж, по библейскому преданию, плод с Древа познания был вкушен, то человек в своем стремлении покомфортнее обустроиться в земном, природном мире и по возможности избежать расплаты за свой первородный грех зачастую полагался на знание, на интеллект, а тем самым на технический прогресс. В 1920 году, на волне тогда еще только второй промышленной революции, молодой Андрей Платонов в статье “О науке” славил великую цель “побеждать безумие природы, торжествовать над нею” и приветствовал “конечную победу над своими врагами — природой и смертью”.

Позднее, в 1933 году, когда будущее по-прежнему определял лозунг “Техника решает все”, Николай Бердяев в статье “Человек и машина” отмечал, что техника “дает человеку чувство страшного могущества”, но подчеркивал при этом, словно заглядывая на столетие вперед, что “техническая цивилизация <...> не знает и не хочет знать личности. <...> И предстоит страшная борьба между личностью и технической цивилизацией, технизированным обществом, борьба человека и машины. Техника всегда безжалостна ко всему живому и существующему. И жалость к живому и существующему должна ограничить власть техники в жизни”.

Примерно в то же время, в 1932 году, религиозный мыслитель Борис Вышеславцев в статье “Миф о грехопадении”, опираясь на “изумительную мудрость” этого мифа, предупреждал, что “человек не может поставить себя на вершине иерархии” и “вдохновляться” исключительно практически интересами, так как это “ведет к величайшему замешательству, к извращению иерархического порядка, падению и разрушению”, ибо “во имя только человеческого можно устраивать гигиену, комфорт, удобства, вообще строить цивилизацию, но не творить культуру”, и только “великое искусство” может научить человека не создавать, а “видеть и узнавать этот рай на земле”, “потерянный, но не забытый”.

Чем решительнее человек в периоды цивилизационных сдвигов делал ставку на интеллект, тем явственнее философская и художественная мысль таких энтузиастических эпох поднимала вопрос о важности другой, иррациональной составляющей человеческой сущности. Вышеславцев называл ее “соблюдение божественной иерархии ценностей”, Бердяев — “жалость к живому и существующему”. Замятин определял этот родовой признак человека триадой чувств: “Вспомните: в раю уже не знают желаний, не знают жалости, не знают любви”.

Самовольно приобретенная человеком способность “пользоваться собственным умом”, наделившая его богоподобной созидательной силой, как и другая отличительная способность: желать, жалеть и любить, подтолкнувшая к грехопадению, но и открывшая путь к очеловечиванию, — являются главными темами публикуемых ниже произведений.

Почти целое столетие спустя после русских философов Райнхард П. Грубер, обозревая в своих подневных записях 2018 года — своеобразном отчете современного Адама — сокрушительные успехи человека в покорении мира, пишет о той же чинимой под диктат науки, экономики, политики “насилованной регламентации жизни”, о вызове, который бросили планете ее же собственные обитатели, “пупом Земли, если не всей Вселенной, себя возомнившие”. Однако неумейной деятельности человека по техническому усовершенствованию мира, а то и самого себя, есть альтернатива: стать человечнее, измениться самим “и тем самым все вокруг изменить”, как призывает в своей песне-рэпе Килез Мор, или же вспомнить, что мы “не хозяева природы, а только ее часть” и что “чудо заключается в том, что мы живем”, как пишет Райнхард П. Грубер. О ценности “коротеньких эпизодов жизни”: “восход солнца, подснежники в моем саду, дружелюбный кивок водителя автобуса, приветливая улыбка моего соседа”, о ценности “этой жизни”, которая стоит “большего, чем вечная жизнь в раю”, говорит в своем эссе и Петер

Биксель. А Ева в энценсбергерской трактовке отдает решительное предпочтение красоте окружающего перед всякой практической пользой.

Умение жалеть "живое и существующее", "возделывать" и "хранить" его, как это предписывает библейская заповедь, то есть культивировать и сберегать, а значит, осмыслять в культуре, — эта способность была дана из всего существующего только человеку, и она должна помочь ему сохранить человеческое лицо, усмирить свои технократические амбиции и преодолеть технологическую "одномерность", если воспользоваться термином немецкого философа и социолога Герберта Маркузе, предложенным им в 1964 году в книге "Одномерный человек", тоже в эпоху технологического рывка, в период так называемой третьей промышленной революции.

Предлагаемые читателю произведения, одновременно философские и лиричные, утверждают именно такое бытие человека в культуре. Петер Биксель поясняет свое прочтение истории о "Еве и яблоке" притчей Франца Кафки. Ханс Магнус Энценсбергер берет за основу для своей версии "воспоминаний Адама и Евы" несколько произведений Марка Твена, как опубликованных, так и оставшихся неоконченными, а "онемечивание" их перепоручает вымышленному, но при этом "не раз премированному" (как сообщается в справке об авторе) популяризатору литературы Андреасу Талмайру. Энциклопедист-экспериментатор Бодо Хелль в культурологической миниатюре о вожденной любви сопрягает библейское предание с античным мифом, облекая их в форму модернистского, джойсовского потока сознания и дополняя колоритными деталями горного австрийского ландшафта.

И еще один неотъемлемый "ингредиент" человека (по словам Бориса Вышеславцева), дарованная ему с момента сотворения "честь", его свобода — тоже, разумеется, в центре внимания как немецкоязычных "шестидесятников" Ханса Магнуса Энценсбергера и Петера Бикселя, так и исконно своевольных австрийцев. Согласно библейскому преданию с этого права человека послушаться высшего запрета, вплоть до добровольного отказа от счастливого, беззаботного и безмятежного рая, и начинается история человечества. Немецкий философ и психоаналитик Эрих Фромм в своем эссе "О неповиновении" (1959) и дальнейшую судьбу человечества ставил в зависимость от того, сохранит ли человек за собой это право, пророчески предостерегая: "Человеческая история началась с акта неповиновения, и не исключено, что актом повиновения она и завершится". Другой немецкий философ-публицист Ханна Арендт, исследовавшая социальные истоки тоталитаризма, формулировала ту же мысль еще категоричнее: "Ни у одного человека нет права на послушание".

В книге "Адам и Ева. Преображения мифа", вышедшей в 2005 году, тоже сравнительно недавно, немецкий историк культуры и философии Курт Флаш пишет: "Адам и Ева сопровождали нас на протяжении всей нашей истории. В решающие периоды исторических преобразований Запада преобразались и они... Интеллектуальное и художественное осмысление этого древнего предания формировало основы европейской идентичности".

Предлагаем читателям проследить, какие черты "европейской идентичности" этот центральный миф выявляет в произведениях современных немецкоязычных авторов и какие созвучия обнаруживаются с русской и немец-

кой философской и художественной мыслью других "решающих периодов исторических преобразований" в оценке роли человека на Земле, которую по библейскому преданию ему было предписано "заселять и покорять".

"Книг, от воздействия которых можно ожидать улучшения условий или более человеческого устройства будущего, не существует", но книги "обостряют зрение и совесть и сохраняют сердце живым", — считал Германн Гессе, "дважды в полной мере испытавший на себе банкротство" страны, в которой родился.

[179]

ил 9/2021